

## ТРАДИЦИИ ПУШКИНА В РЕАЛИСТИЧЕСКИХ ПОЭМАХ ЛЕРМОНТОВА

М. Т. ЕФИМОВА

Творчество Лермонтова развивалось на основе пушкинской традиции, но Пушкин не стирал творческой индивидуальности Лермонтова, а помогал ей глубже раскрыться. Эту особенность сложного освоения Лермонтовым традиций Пушкина нужно учитывать и при изучении его поэм «Тамбовская казначейша» и «Сашка».

Воздействие произведений Пушкина на «Тамбовскую казначейшу» отмечалось многими литературоведами. обстоятельнее других исследует этот вопрос Д. Благой в специальной статье «Лермонтов и Пушкин».<sup>1</sup> В связи с поставленной темой он дает ряд интересных сопоставлений «Тамбовской казначейши» и «Евгения Онегина» и приходит к выводу: «Связь «Тамбовской казначейши» и «Евгения Онегина» носит главным образом формальный характер».<sup>2</sup> Такой вывод снижает значение традиций Пушкина в реалистических поэмах Лермонтова и сводит «Казначейшу» к пустячку, рассказанному формой пушкинского «Онегина». А между тем связь «Тамбовской казначейши» с пушкинскими произведениями сложнее и любопытней.

Очень ценным для понимания пушкинского влияния на Лермонтова является сообщение Э. Герштейн.<sup>3</sup> Э. Герштейн включает лермонтовскую поэму в круг острой литературной борьбы 30-х годов и считает ее произведением, написанным Лермонтовым в защиту Пушкина от нападок Булгарина. И хотя осмысление концовки «Тамбовской казначейши», данное исследовательницей в связи с фразой Булгарина «Давайте действия, давайте

---

<sup>1</sup> Жизнь и творчество Лермонтова, Исследования и материалы, ОГИЗ, М., 1941, стр. 356—451.

<sup>2</sup> Там же, стр. 385.

<sup>3</sup> Отклики Лермонтова на политические и литературные события 1820—1830 г., Лит. наследство, Пушкин. Лермонтов. Гоголь, АН СССР, М., 1952, стр. 401—405.

страстей»,<sup>4</sup> не позволяет с полным основанием прийти к такому выводу, это предположение в принципе интересно и верно. Исходя из него можно объяснить, почему Лермонтов обратился к пушкинским шуточным поэтам и «Евгению Онегину», понять некоторые особенности стиля «Казначейши» и проследить на конкретном материале сложный процесс освоения Лермонтовым пушкинских традиций.

В 30-ые годы Пушкин мужественно отстаивал право художника изображать повседневное. Противником Пушкина выступил Булгарин. Булгарин едва ли не глумится над романом «Евгений Онегин». В VII главе его он видит лишь мелочное описание быта, а в лирических отступлениях — недопустимое в поэзии пустословие автора.<sup>5</sup>

В 1836 году Булгарин осуждает «Путешествие в Арзрум» за его холодный слог<sup>6</sup> и, считая свои эстетические вкусы непогрешимыми, снисходительно поучает Пушкина: «Давайте действия, давайте страстей — поэзия воскреснет. В прозе мысли могут заменить страсти, но в поэзии мысли без страстей — мороз».<sup>7</sup>

Благородной простоте Пушкина Булгарин предпочитает поэзию Бенедиктова с его лирическим героем выпренных страстей, разбитым сердцем, цветистыми фразами. «Стихотворения г. Бенедиктова, — пишет он, — изданные особо, обратили на себя справедливое внимание публики. В них много мыслей и теплого чувства. Язык очень хорош. Отцы нашей поэзии давно уже не производили ничего достойного внимания. Они почивают на лаврах».<sup>8</sup>

Пушкин глубоко переживал журнальную травлю, возглавляемую Булгариным, и с горечью писал Плетневу 9 декабря 1830 года: «Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу».<sup>9</sup>

Для Пушкина борьба с Булгариным была борьбой за судьбы литературы. И в своих критических статьях он смело разоблачает политическое лицо Булгарина, высмеивает «пленительную щеголеватость» и приторную дидактику его романов. В полемическом произведении «Домик в Коломне» булгаринскому требованию возвышенной поэзии он противопоставляет поэзию будней. Как издатель передового журнала «Современник» Пушкин настойчиво борется с влиянием реакционной «Северной пчелы».

Чуткий к современности, Лермонтов не мог остаться в стороне от литературной и политической борьбы 30-х годов. В своих

<sup>4</sup> Северная пчела, № 127, 1837 г., стр. 508.

<sup>5</sup> Северная пчела, № 35, 1830 г. Северная пчела, № 39, 1830 г.

<sup>6</sup> Северная пчела, № 129, 1836 г.

<sup>7</sup> Северная пчела, № 127, 1837 г., стр. 508.

<sup>8</sup> Северная пчела, № 13, 1836, стр. 51.

<sup>9</sup> А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, АН СССР, М.—Л., 1951, т. X, стр. 324.

эпиграммах на Булгарина он продолжает пушкинскую характеристику полицейского шпиона:

Россию продает Фадей  
— Не в первый раз, как вам известно,  
Пожалуй он продаст жену, детей  
И мир земной и рай небесный,  
Он совесть продал бы за сходную цену,  
Да жаль — заложена в казну.<sup>10</sup>

Естественно, что эстетические вкусы Булгарина тоже были чужды Лермонтову. В 1836 году он серьезно пересмагривает свои прежние увлечения неистовым романтизмом и в «Княгине Лиговской» обращается к гоголевским образам; в своей повести он во многом освобождается от штампов романтического языка, которые развенчивает ироническим комментарием, а в «Тамбовской казначейше» развивает те особенности творчества Пушкина, которые Булгарин считал непозитическими.

В этот период серьезной переоценки своего прежнего творческого пути Лермонтов интересуется целым циклом пушкинских произведений, которые можно считать этапными в борьбе за реализм. («Евгений Онегин», «Граф Нулин», «Домик в Коломне»).

Для Лермонтова интересны в «Евгении Онегине» живые картины быта, своеобразная форма свободного романа, с возможностью лирических отступлений, которые могли быть использованы для утверждения его нового направления.

В шуточных поэмах Пушкина его привлекает обыкновенность героев и не в последнюю очередь самый тон «Графа Нулина» и «Домика в Коломне». так как шуткой, легкой непринужденностью легче было развенчать ходульное, неправдоподобное.

В основу сюжета «Тамбовской казначейши» как же, как в пушкинских шуточных поэмах, Лермонтов берет пикантное происшествие, которым «смущен был город благонравный». Пользуясь пустяковым сюжетом, Лермонтов, подобно Пушкину, свое внимание сосредотачивает на изображении быта, нравов, характеров.

С первых же строк поэмы перед нами тусклый, обыденный, городок.

Тамбов на карте генеральной  
Кружком означен не всегда,  
Он прежде город был опальный,  
Теперь же, право, хоть куда.  
Там есть три улицы прямые,  
И фонари, и мостовые.

---

<sup>10</sup> Неизвестные эпиграммы Лермонтова, Публикация Э. Найдича. Лит-наследство. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. АН СССР, М, 1952, стр. 359.

Там два трактира есть, один  
Московский, а другой Берлин.  
Там есть еще четыре будки,  
При них два будочника есть;  
По форме отдаюг вам честь,  
И смена им два раза в сутки;

.....  
Короче, славный городок.<sup>11</sup>

Описание Тамбова по-пушкински внешне добродушное и безобидное. Но перечисляя достопримечательности города, остроумно изображая провинциальную претенциозность, Лермонтов отбирает те детали, которые дают почувствовать типичные черты многих городов России. Пушкин, изображая быт, не дает прямой авторской оценки его, а ограничивается метким живописанием. Лермонтов обнажает свое отношение ироническим авторским комментарием и тем самым картина́м быта придает большую резкость и остроту.

Изображая быт Тамбова, поэт использует ситуации, близкие «Графу Нулину». У Пушкина томительно-скучный день Натальи Павловны вдруг оживлен событием: свалилась на бок коляска проезжего, и Наталья Павловна заполучила интересного гостя. У Лермонтова сонная тишь Тамбова неожиданно нарушена известием о приезде в город полка улан.

Но Пушкин рассказывает обо всем тоном добродушной шутки, у Лермонтова подчеркнуто ироническое отношение к столь «грандиозному» событию, способному встряхнуть полусонный Тамбов.

Этo авторское отношение выражено резким несоответствием описываемого мелкого явления и авторской патетики, величественности пейзажа, достойных большого исторического события.

И вот однажды утром рано,  
В час лучший девственного сна,  
Когда сквозь пелену тумана  
Едва проглядывает Цна,  
Когда лишь куполы собора  
Роскошно золотит Аврора  
И, тишины известный враг,  
Еще безмолствовал кабак

.....  
Уланы справа по-шести  
Вступили в город;<sup>12</sup>

<sup>11</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, ОГИЗ, М.—Л., 1947, т. 2, стр. 7.

<sup>12</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, ОГИЗ, М.—Л., 1947, т. 2, стр. 9.

Интересно, что стиль Лермонтова в данном случае очень близок гоголевскому методу изображения «пошлости пошлого человека» в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».<sup>13</sup>

В момент решающего события — приезда улан выразительнее всего раскрывается «прекрасный, но стыдливый пол» Тамбова. Лермонтов дает живую картину, в ней видна глубокая наблюдательность, поэт по-пушкински умеет отобразить выразительные детали (забыта жаркая перина, глаза опухшие девиц), он по-своему использует колоритную речь пушкинской героини, взволнованной ожиданием встречи с Нулиным:

Филька, Васька!  
Кто там? Скорей! Вон там коляска.  
Сейчас везти ее на двор.  
И барина просить обедать!  
Да, жив ли он? беги проверить  
Скорей, скорей!<sup>14</sup>

Лермонтов не повторяет Пушкина, но на основе пушкинской стилистики значительно острее, чем Пушкин, разоблачает внутреннее содержание жизни обитательниц Тамбова.

В одном эпизоде это речь дам в домашнем обиходе, по-барски распоясавшихся и награждающих нерасторопных слуг крепкими эпитетами:

«Малашка, дура, Катерина,  
Скорее туфли и платок!  
Да где Иван? Какой мешок!  
Два года ставни отворяют...»<sup>15</sup>

И рядом речь «приятных дам», взволнованно беседующих о предмете любви и не забывающих поинтересоваться их чином:

«Ах посмотри сюда, кухня.  
Вот этот! «Где? майор?» — О, нет!  
Как он хорош, а конь — картина,  
Да жаль, он, кажется, конрет...»

---

<sup>13</sup> ... Настала ночь... О если б я был живописец, я бы чудно изобразил всю прелесть ночи! Я бы изобразил, как спит Миргород; как неподвижно глядят на него бесчисленные звезды; как видимая тишина оглашается близким и далеким лаем собак; как мимо их несется бесстрашный пономарь и перелазит через плетень с рыцарскою бесстрашностью.

Н. В. Гоголь, Собрание сочинений в шести томах, М., 1949, т. 2, стр. 202.

<sup>14</sup> А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, АН СССР, М.—Л., 1949, т. V стр. 240.

<sup>15</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, ОГИЗ, М.—Л., 1947, т. 2, стр. 9.

Как ловко, смело избочился...  
Поверишь ли, он мне приснился...  
Я после не могла уснуть...»<sup>16</sup>

Портреты блестящего круга тамбовского близки пушкинским портретам гостей на именинах Татьяны.

Так, Лермонтов в обрисовке советника использует пушкинскую лаконичную и в то же время социально-острую характеристику:

Тяжелый сплетник, старый плут,  
Обжора, взяточник и шут

Но у Лермонтова, нравственная характеристика советника дана на основе конкретных определений: «блудитель нравов, мирный сплетник» — и этим усилена авторская ирония.

Лермонтов по-пушкински сохраняет в кунсткамере обитателей Тамбова вечно живые типы провинции, созданные Фонвизиним:

Вот в полуфрачке, раздушенный  
Времен новейших Митрофан,  
Нетесаный, недоученый,  
А уж безнравственный болван<sup>17</sup>

Так же, как Пушкин, Лермонтов внутреннее убожество персонажей исчерпывающе характеризует внешним портретом:

А вот уездный предводитель  
Весь спрятан в галстук, фрак до пят  
Дискант, усы и мутный взгляд.<sup>18</sup>

Так Лермонтов в обрисовке быта широко пользуется не только методом Пушкина-бытописателя, но даже пушкинскими ситуациями, пушкинскими образами.

Не всегда в изображении быта он равен своему учителю, но он продолжает его линию изображения обыденного и считает, что писать эти картины нужно по-пушкински. Увлеченный пушкинским текстом, он широко использует его, нарочито подчеркивает эту зависимость, так что читатель угадывает пушкинское, знакомое.

Значительно сложнее обращение Лермонтова к пушкинскому материалу в изображении главных героев. Лермонтов скуп и выразительно дает биографию ротмистра, причем главное в своем герое раскрывает через внешние детали портрета:

---

<sup>16</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, ОГИЗ, М.—Л., 1947, т. 2, стр. 10.

<sup>17</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 23.

<sup>18</sup> Там же.

«Строен как корнет;  
Взор пылкий, ус довольно черный:  
Короче идеал девиц...»<sup>19</sup>

В другом месте автору достаточно сказать «усатый герой» и этим полно охарактеризовать покорителя сердец дам губернского общества.

Но Лермонтов не только продолжает традицию Пушкина в утверждении и приемах обрисовки обыкновенных героев в литературе, но остроумно использует заурядный характер ротмистра в защиту пушкинской борьбы против возвышенных страстей, ложной напряженности действия.

В тактике лермонтовского героя весь арсенал романтических приемов: и холодное равнодушие, и взор, отуманенный тоскою, и внутренний огонь человека могучих страстей. Романтические приемы теперь стали такими расхожими, что к ним прибегает ротмистр, чтобы произвести неотразимое впечатление на губернских дам. Не случайна и его поза героя, сочувствующего Авдотье Николаевне и готового спасти ее от судьбы пленницы казначея:

«Бедняжка! думает улан:  
Такой безжизненный болван  
Имеет право в этой клетке  
Тебя стеречь — и я, злодей,  
Не тронусь участью твоей?»<sup>20</sup>

Поза эта близка рыцарской позе романтика Ленского накануне дуэли:

Он мыслит: «Буду ей спаситель,  
Не потерплю, чтоб развратитель  
Огнем и вздохов и похвал  
Младое сердце искушал!»<sup>21</sup>

Пушкин эту выпретенную тираду романтика развенчивал неожиданной авторской будничной фразой:

Все это значило, друзья:  
С приятелем стреляюсь я.<sup>22</sup>

У Лермонтова комический эффект — от несоответствия героической позы Гарина с его очень земной целью бравого ротмистра, не раз выступавшего в роли утешителя провинциальных красоток.

<sup>19</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 13.

<sup>20</sup> Там же, стр. 15.

<sup>21</sup> А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, АН СССР, М.—Л., 1949, т. V, стр. 126.

<sup>22</sup> Там же.

На этом резком несоответствии «возвышенно-романтического» в позе героя и обычных приемов заправского волокиты раскрывается характер Гарина:

И на лицо ее навел  
Взор, отуманенный тоскою;  
Потом стал длинный ус крутить,  
Вздыхнул и начал говорить...<sup>23</sup>

Патетическое объяснение улана в любви Лермонтов изображает, используя текст «Евгения Онегина». И на основе хорошо знакомых читателю душевных и искренне взволнованных писем Татьяны и Онегина особенно резко подчеркивает нарочитость чувств тамбовского героя:

«Я вижу, вы меня не ждали, —  
Прочешь легко из ваших глаз;  
Ах, вы еще не испытали,  
Что в страсти значит день, что час!  
Среди сердечного волнения  
Нет сил, нет власти, нет терпенья!  
Я здесь — на все решился я...  
Тебе я предан... ты моя!  
Ни мелочные толки света,  
Ничто, ничто не страшно мне;  
Презренье светской болтовне —  
Иль я умру от пистолета...»<sup>24</sup>

В ложно патетической речи Гарина высмеяны и ставшая шаблонной тема одинокого героя, не понятого мелочной толпой, и искусственные ситуации с неизбежной кровавой развязкой.

Героиня «Гамбовской казначейши» — простенькая Авдотья Николаевна. Но в изображении ее нет шутивого лиризма «Домика в Коломне». И если портрет простой и доброй Парашки описан средствами, близкими к народно-поэтическим (глаза и брови, темные как ночь, сама бела, нежна, как голубица), Лермонтов создает портрет своей героини, используя привычные штампы портрета идеальной романтической красавицы. Но сниженное обобщение, бытовые сравнения наряду с восторженной интонацией передают ироническое отношение поэта к такой идеализации:

И впрямь Авдотья Николаевна  
Была прелакомый кусок...  
Бела как сахар, так нежна,  
Что жилка каждая видна...  
А глаза...

<sup>23</sup> М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 21.

<sup>24</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 22.



Ну что такое бирюза?  
Что небо? ...  
А этот носик! Эти губки,  
Два свежих розовых листка!  
А перламутровые зубки,  
А голос, сладкий как мечта!<sup>25</sup>

Несложный внутренний мирок Авдотьи Николаевны Лермонтов тоже изображает возвышенным стилем, характерным для романтических героев. Но в сочетании с описанием подлинных и довольно будничных достоинств бравого улана, покоровшего непритязательную героиню, такой стиль тоже создает комический эффект:

И сердце Дуни покорилося;  
Его сковал могочий взор...  
Ей дома целу ночь все снилося  
Бряцанье сабли или шпор.<sup>26</sup>

Иронически оценивает Лермонтов и ставшие ходульными в литературе ситуации, связанные с трагической судьбой красавицы. Лермонтов использует эту внешнюю ситуацию: хорошенькая Авдотья Николаевна — жена угрюмого старика с огромной лысой головой. Но обычные мелодраматические сентенции по поводу загубленной жизни молодой женщины Лермонтов заменяет авторским сочувствием-шуткой:

Жизнь без любви такая скверность.  
А что, скажите, за предмет  
Для страсти муж, который сед?<sup>27</sup>

Эта линия иронического отношения автора к судьбе героини не нарушается и заключительной сценой отчаянной игры соперников в карты, где ставка — жена казначея. На основе этой сцены В. А. Мануйлов делает следующий вывод: «В отличие от пушкинского «Графа Нулина», «Тамбовская казначейша» Лермонтова завершается не легкой шуткой, но мрачной сценой, исполненной подлинного драматизма. Начав с рассказа об обыкновенной истории пустого уланского волокитства, Лермонтов подвел читателя к драматической сцене гневного протеста оскорбленного чувства женского достоинства».<sup>28</sup> С таким выводом, сделанным на основе заключительной сцены, нельзя согласиться. Лермонтов, иронизируя над драматизмом положения

<sup>25</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 12.

<sup>26</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 12.

<sup>27</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 17.

<sup>28</sup> История русской литературы XIX века. Изд. АН СССР, 1955, т. VII, стр. 322.

Авдотья Николаевна, пользуется прежним приемом. Он описывает ее душевное состояние возвышенным поэтическим языком:

Ее лицо изобразило  
Так много мук.  
... Но только цвет ее чела  
Был страшно бледен<sup>29</sup>

Но вся трагическая напряженность ее переживаний снимается контрастным авторским комментарием, подчеркивающим всю ненужность такой патетики:

Рассказы вымышленных бед  
В чувствительном прошедшем веке  
Немало проливали слез...  
Кто ж в этом выиграл — вопрос?<sup>31</sup>

Драматизм сцены снижен и авторским просторечием:

... все ждут чего-нибудь —  
упреков, жалоб, слез — ничуть!<sup>30</sup>

Не «гневным протестом оскорбленного женского достоинства» заканчивает Лермонтов свою поэму, а нервическим обмороком героини. И эта сцена не зачеркивает мысли автора о счастливой развязке в жизни героев:

Улана проклял милый пол —  
За что, мы право, не дознались.  
Не зависть ли? Но нет, нет, нет!  
Ух, я не выношу клевет!..<sup>32</sup>

В такой трактовке заключительной сцены вся соль рассказа, пикантность происшествия. Только такая трактовка последней сцены определяет логический вывод, выраженный в поэтической декларации автора:

И вот конец печальной были,  
Иль сказки — выражусь прямой.  
Признайтесь, вы меня бранили?  
Вы ждали действия? страстей?  
Повсюду нынче ищут драмы,  
Все просят крови — даже дамы.  
А я, как робкий ученик,  
Остановился в лучший миг;  
Простым нервическим припадком

---

<sup>29</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 12.

<sup>30</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 27.

<sup>31</sup> Там же, стр. 28.

<sup>32</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 28.

Неловко сцену заключил,  
Соперников не помирил  
И не поссорил их порядком...  
Что ж делать! Вот вам мой рассказ,  
Друзья, покамест будет с вас.<sup>33</sup>

Вполне возможно, что эта концовка была и вызовом булгаринскому требованию действия, возвышенных страстей; полемический стиль поэмы не противоречит этой мысли, а подтверждает ее.

В русле пушкинских традиций обычно рассматривается и другая поэма Лермонтова — поэма «Сашка». В статье Д. Благого «Лермонтов и Пушкин» немало примеров близости «Сашки» «Евгению Онегину» и «Домику в Коломне». Причем в «Сашке» Д. Благой видит более глубокую зависимость Лермонтова от пушкинского творчества. В «Тамбовской казначейше», по мнению исследователя. Лермонтов находился под обаянием формы «Онегина», здесь он пытается решить аналогичную Пушкину задачу создать образ современника своей эпохи.

Действительно, в «Сашке» так же, как в «Онегине», Лермонтов описывает основные этапы жизни героя, дает характеристики его родителей, воспитателей. Рассказ о своем герое Лермонтов вкладывает в рамку пушкинского романа. Но эту форму поэт уже не принимает всерьез. Ко времени работы Лермонтова над «Сашкой» многое в пушкинском романе многочисленными подражателями превращено в штамп, привычное клише. И Лермонтов не может теперь не иронизировать над этими приемами, которые в некоторой степени оказались скомпрометированными.

Пользуясь задорной пушкинской формой лирических отступлений, поэт теперь шутит и над этими внешними особенностями пушкинского романа:

Роман, вперед!.. Не идет? — Ну так он  
Пойдет назад. Герой наш спит покуда,  
Хочу я рассказать, кто он, откуда,  
Кто мать его была, и кто отец,  
Как он на свет родился, наконец,  
Как он попал в позорную обитель,  
Кто был его лакей и кто учитель.<sup>34</sup>

Герой произведения «Сашка» вряд ли намечался поэтом как образ современника своей эпохи, равный по значению Онегину. Такой характер Лермонтов создает в «Герое нашего времени»,

<sup>33</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 28—29.

<sup>34</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 87.

и не «на обломках поэмы «Сашка», как считает Д. Благой, а развивая намеченное в Печорине из «Княгини Лиговской».

В поэме «Сашка» для Лермонтова главное не герой, а то, что может сказать поэт в связи с героем, его жизнью и бытом. И для нас в поэме прежде всего интересны не картины быта крепостнической усадьбы, публичного дома, которые излишне переоцениваются исследователями, а волнующая исповедь поэта, горечь которой он пытается спрятать за шуткой, намеренно грубоватым изображением быта.

В «Тамбовской казначейше», защищая пушкинские традиции, Лермонтов утверждал право художника на изображение быденного в поэзии, и поэма помогала в борьбе против штампов романтизма. Но Лермонтов не мог ограничить себя только изображением повседневного, не мог отказаться от подлинного романтизма, его высоких героев и высоких идеалов. Поэтому «Тамбовская казначейша», оставаясь интересным явлением в творчестве поэта, не открывала для него основного пути дальнейшего творческого развития. Это сложное противоречивое отношение Лермонтова к романтизму и быденному чувствуется в поэме «Сашка».

Уже первая строфа поэмы «Сашка», которую обычно сопоставляют с концовкой поэмы «Тамбовская казначейша», резко отличается по своему тону:

Наш век смешон и жалок, — все пиши  
Ему про казни, цепи да изгнанья,  
Про темные волнения души,  
И только слышишь муки да страданья.  
Такие вещи очень хороши  
Тому, кто мало спит, кто думать любит.  
Кто дни свои в воспоминаньях губит.  
Впадал я прежде в эту слабость сам,  
И видел от нее лишь вред глазам;  
Но нынче я не тот уж, как бывало, —  
Пою, смеюсь. — Герой мой добрый малый.<sup>35</sup>

Лермонтов в этой строфе, как справедливо заметила Л. Гинзбург,<sup>36</sup> не отрицает «волнения души», «муки и страданья», а утверждает их ценность. Только внешне кажется, что поэма продолжает линию «Тамбовской казначейши». В «Сашке» действительно есть целый ряд самых дерзких, неожиданно смелых образов, развенчивающих романтические традиции. Но с наименьшей издевкой Лермонтов относится и к повседневному, снижая его до грязи быта. Изображая эти намеренно сниженные

<sup>35</sup> М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 71.

<sup>36</sup> Л. Гинзбург, Творческий путь Лермонтова, М, Гослитиздат, 1940. стр. 151.

картины повседневной жизни, Лермонтов как будто наступает «на горло собственной песне», но она неожиданно прорывается и в ряде строф звучит серьезно и волнующе в характерном для Лермонтова стиле высокого романтизма.

Исследовать этот неповторимый стиль лермонтовского «Сашки» — увлекательная задача для лермонтоведа. Но ее можно выполнить только в специальной статье, посвященной анализу этой поэмы.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР  
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ  
ИНСТИТУТ имени С. М. КИРОВА  
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

---

# ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ  
1962